

ной бюрократии представляется ныне столь же важным, какими, скажем, в свое время были характеристика и выделение из рабочего класса рабочей аристократии и бюрократии.

Не все стороны поставленных Г. И. Мирским социально-политических проблем развивающихся стран оказались освещенными равно, в достаточной степени. На наш взгляд, книга только выиграла бы от включения в нее разделов, посвященных анализу роли армии в таких странах, как Турция, Пакистан и некоторых других. Уделяя основное внимание характеристике офицерства,

автор не всегда с той же мерой научного интереса рассматривает положение и политическую роль солдатской массы.

Монография «Армия и политика в странах Азии и Африки» выходит по своему содержанию за рамки определенных заглавием проблем. По существу, Г. Мирский написал работу, проливающую свет не только на роль армии, но в целом на глубинные социальные и политические процессы, происходящие сейчас в молодых государствах «третьего мира».

Г. УСОВ,

кандидат экономических наук

ОДИНОЧЕСТВО МУЭДЗИНА

ЛЖИРЕЦ Мурад Бурбун уже знаком советским читателям.

Он автор переведенной на русский язык книги «Гора, поросшая дроком». «Муэдзин» — вторая книга писателя, часть создаваемой им трилогии «Сожженные боги». В отличие от первого произведения Бурбуна, запечатлевшего эпоху пробуждения национального самосознания алжирцев, их вступления в общенародную борьбу против унетателей и колонизаторов, эта книга — рассказ о столкновении с новой реальностью Алжира, с эпохой, наступившей после обретения независимости. В этом плане «Муэдзин» — первое произведение в литературе Алжира, посвященное проблемам послевоенного времени.

Сюжет книги — история Саида Рамиза, революционера, борца-подпольщика, одного из активистов организации Фронт освобождения, работавшей на территории метрополии; история человека, живущего и дышащего воздухом битв и революций, который не может найти своего места в наступившем затишье и обрести в новой жизни свой идеал свободы.

Когда-то Саид по традиции унаследовал от отца профессию «служителя бога» — муэдзина, посылавшего пять раз в сутки высоко в небеса восхваления аллаху. Саид мечтал о том, что его голос будет услышан не

только на небесах, но и на земле, что голос этот, разбудив народ, сумеет позвать его за собой и возвестит ему о «пришествии нового дня». В его душе уже слагались торжественные звуки, «шедшие из глубины времен», зовущие к свободе, звуки, от которых «способны содрогнуться небеса».

Но война за независимость заставила Саида сменить ремесло, и, рискуя жизнью, он отправился в опасное и страшное «путешествие на край ночи» — той колониальной ночи, которая 130 лет нависала над его страной. Автор заставит мелькать на его пути арабские кофейни Парижа — места сходок алжирских эмигрантов, задворки лавчонок, кладбища, подвалы, полицейские участки, вокзалы, железные дороги, поезда, тюрьмы... Муэдзин — это прозвище осталось за Саидом — был при странных обстоятельствах (намек на предательство) арестован в самом конце войны, за неделю до прекращения огня и начавшихся переговоров. Его считали погибшим. Но он выжил, несмотря на перенесенные пытки и унижения, — после тюрьмы его запрятали в дом для умалишенных. Он вернулся к себе в страну, в свой Город, с одной лишь мыслью — продолжать борьбу. Но в Городе уже давно воцарился порядок, который никто не имеет права нарушать. И новые власти, несмотря на все прежние заслуги Саида, вправе считать его неблагонадежным. Муэдзин не приемлет этот порядок: его пугает успокоенность, он боится

остановки, его тревожит, что кто-то, воспользовавшись властью, может спокойно устроиться «под сенью славных знамен», предав забвению, «мумифицировав» мечты и идеалы героических лет. Его воображение уже рисовало картины духовного болота, подобного тому, в котором увязали далекие предки.

Вырваться из плена прошлого, обрубив все корни, связывающие с ним, уничтожить главное звено этой липкой паутины, опутавшей Город, взорвать мечеть — это должно, по мысли Муэдзина, стать новым толчком, способным заставить Город «сдвинуться с места», «двигаться дальше», только не останавливаться. Муэдзин мечтает о новой Книге — об «Антикоране», который открыл бы людям другую Правду, он мечтает о храме, построенном во имя человека, во славу его, о храме, где бы «вечность покрывалась преходящему».

Мечты Муэдзина о битве с неподвижностью, о разрушении окостенелых корней идут все дальше и дальше. Он пытался начать один на один «битву против Города», который для Муэдзина становится символом замкнутой в самой себе системы, не позволяющей человеку идти дальше. «Освободить народ — недостаточно для того, чтобы сделать его свободным, — думает Муэдзин. — Надо разрушить Город», построить на его месте другой, который будет постоянно желать свободы, такой город, в котором не будет стен вокруг человека, но человек создаст эти стены в себе, чтобы стать той Цитаделью, которая способна противостоять всем «предательствам и катаклизмам».

Быть может, этот новый город и станет тем пришествием, о котором когда-то мечтал Муэдзин? Но где же соратники Саида? Почему Муэдзин остается один против целого Города? У прежних товарищей по борьбе другие заботы. Они строят сегодняшний день, у себя на земле, а не «на сваях» и не «под землей», как хотел Муэдзин, строят, не опасаясь возможных бурь и землетрясений. А муэдзины, видно, обречены на одиночество в своих возвышающихся над землей минаретах. Вот почему Саид уходит из Города.

Автор не хочет ни посрамления, ни тем более гибели своего героя. Но он и не может оставить его в Городе, где не будут слышны его призывы. Ибо Муэд-

M. Bourbou. Le Mouezzin, Paris, 1968.

зину нет места в настоящем: голос его обращен из прошлого в туманное будущее.

Конечно, нелегко писать книгу по следам не столь давних событий, которые жгут память и ранят сердце воспоминаниями. Но еще труднее осмыслить и понять все то, что повлекли эти события за собой, что родилось в тяжелой и беспощадной борьбе за независимость. Бурбун попытался показать смятение и растерянность, разочарование тех, кто ждал от национально-освободительной революции немедленного и безболезненного разрешения всех проблем и свершения всех идеалов. Так возник в книге этот своеобразный образ Человека-Итога, который подводит решительную черту под прошлым — к нему возврата быть не может, — и одновременно Человека-Провидца, который устремляет свой взор к отдаленной громаде абстрактного будущего, но который так и не мог стать Человеком-Мостом (в книге часто встречается этот символ связи двух эпох), способным соединить вчерашний день с грядущим. Вот почему задуманная широко и смело книга Бурбуна стала свидетельством горького осознания тщетности борьбы в одиночку, превращающей голос пророка в глас вопиющего в пустыне.

С. ПРОЖОГИНА

В. В. Шмелев. Зона франка и молодые государства Африки, М., «Мысль», 1970, 223 стр.

Автор рассматривает создание и действие валютного механизма зоны франка на африканском континенте и его эволюцию в условиях политического суверенитета большинства государств — членов данной группировки. В. Шмелев отмечает, что вот уже на протяжении 30 лет механизм зоны франка, возникшей в результате колониальной политики Франции, служит эффективным орудием закабаления и эксплуатации многих стран африканского континента. Благодаря универсальности и гибкости этого механизма французский империализм сумел приспособиться к новым условиям, несмотря на достижение большинством стран политической независимости и изменение соот-

Полвека добрососедства

О многом может рассказать почтовая марка, тем более если она выпущена в связи со столь знаменательным событием, как пятидесятилетие установления дружественных отношений между двумя соседними странами. Именно такая марка была издана в нашей стра-

не. Вот она. Строгая по композиции, выразительная и запоминающаяся. На ней — Спасская башня московского Кремля, государственные флаги СССР и Афганистана и надпись «50 лет установления отношений между СССР и Афганистаном».

Советско-афганские отношения, к полувековому юбилею которых приурочен выпуск этой марки, ведут свое начало с весны 1919 года, с героических дней становления молодого Советского государства и

борьбы афганского народа за независимость. У истоков зародившейся тогда советско-афганской дружбы стоял Владимир Ильич Ленин.

В. И. Ленин отмечал в 1919 году, что с первых дней славной борьбы афганского народа за свою свободу и независимость рабоче-крестьянское правительство России не замедлило признать новый порядок вещей в Афганистане, торжественно признало его полную независимость и отправило свое посольство для создания постоянной и неослабной связи между Москвой и Кабулом. При непосредственном участии В. И. Ленина советско-афганские отношения были основаны на высоких принципах дружбы, доброго соседства, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Развиваясь на этих прочных основах, дружественные советско-афганские отношения вступили в прошлом году во второе пятидесятилетие своего существования. Полувековой юбилей торжественно отмечался в обеих странах. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и король Афганистана Мухаммед Захир Шах обменялись дружественными посланиями. В этих документах было выражено взаимное удовлетворение наших стран нынешним состоянием советско-афганских отношений и перспективами их дальнейшего развития.

В знаменательные дни юбилея советско-афганского добрососедства в Афганистане с официальным дружественным визитом находился Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Е. ФИЛИМОНОВ

ношения сил в современном мире. Такая гибкость позволила зоне франка не только уцелеть, но и сохранить значительное воздействие на узловые пункты экономической жизни развивающихся стран Африки:

валюту, внешнюю торговлю, капиталонакопление, государственные финансы, кредит, что в определенной степени способствует временному сохранению позиций французского капитала в ряде африканских государств.